

Именно такие фигуры, контуры которых ненадолго вырисовываются на безликом фоне, изображены, как нам кажется, с особой художественной силой в начале «Братьев Карамазовых» – там, где народ приходит к своему заступнику и наставнику, старцу Зосиме, в третьей главе первой книги, озаглавленной «Верующие бабы».

Вот к нему подводят кликушу, душевнобольную, которая временами беснуется, визжит или лает по-собачьи. Она – одна из многих. Достоевский пишет, что это «страшная женская болезнь, и, кажется, по преимуществу у нас на Руси, свидетельствующая о тяжелой судьбе нашей сельской женщины, болезнь, происходящая от изнурительных работ, слишком вскоре после тяжелых, неправильных, безо всякой медицинской помощи родов; кроме того, от безвыходного горя, от побоев и проч., чего иные женские натуры выносить по общему примеру все-таки не могут» (Б.К.54–55).

«Безвыходное горе» – непосильный труд, бесправие и угнетение, отсутствие поддерживающей и просветляющей любви, а также какой-либо возможности защитить себя или найти путь на волю, как это может сделать культурная личность, обретающая свободу благодаря своей энергии и изобретательности. Человек полностью отдан во власть горя. Но устами созревшей и раскрепостившей себя личности, мудрость которой порождена любовью, глаголет Бог – и дарует утешение.

Во всем этом нет места каким-либо иллюзиям. Правда, больная успокаивается вблизи старца, мгла рассеивается, но как только она вернется в привычное окружение, все начнется сначала. С человеческой точки зрения, судьба ее безысходна. Но Божие присутствие несомненно... Здесь не идет речи ни о справедливости, ни о достоинстве человека. Он беззащитен перед лицом своей судьбы и не может высвободиться из ее оков – хотя бы путем осознания того, что такой судьбы он не заслужил. И даже если ничто не меняется, если посещение Божьего человека приносит лишь недолгое облегчение, – он ни секунду не сомневается в том, что Бог благ и добр. При всей безысходности своего горя он на протяжении всей жизни сохраняет связь с Богом, воля Которого остается для него непостижимой, но и непогрешимой.

Темный ужас лежит на всем. Но где-то в глубине есть утешение, питаемое обетованием, словно зерно будущего урожая.